

УДК: 769.2

DOI: 10.24412/2618-9313-2024-122627-29-38

Вербальные и визуально-образные клише в репрезентации Китая в связи с Ихэтуаньским восстанием: Мандарин, антропоморфный «лакомый кусок», застывшая империя

ЗАХАРЧУК В. В.

Для цитирования

Захарчук В. В. Вербальные и визуально-образные клише в репрезентации Китая в связи с Ихэтуаньским восстанием: «Мандарин», «Антропоморфный “лакомый кусок”», «Застывшая империя» // Телекинет. 2024. N1/2(26/27). С. 29-38.

Сведения об авторе

Владлена Вячеславовна Захарчук, магистр культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

<https://orcid.org/0009-0000-6675-8082>

kram18x1@gmail.com

Аффилиация

Российский государственный гуманитарный университет», 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Заявление об отсутствии конфликта интересов

Автор(ы) не сообщил(и) о потенциальном или явном конфликте интересов.

Информация о статье: поступила в редакцию 14.04.2024, принята к публикации 20.04.2024.

Аннотация

В статье анализируются вербальные и визуально-образные репрезентации Китая на страницах журналов Российской империи 1898–1901 гг. В центре внимания автора находятся тексты и образы, которые стали отражением или реакцией на Ихэтуаньское восстание — главного события, включающегося авторами текстов в сюжеты и повествования. Сюжет формируется путем выстраивания выбранных авторами событий в логическом соотношении или последовательности. Процедура отбора событий, которые подходят для репрезентации того или иного сюжета, требует от создателя карикатуры использование привычных для зрителя-читателя стереотипов, узнаваемых образов. В процессе создания сюжета возникают собирательные образы персонажей (ихэтуань / боксер, мандарин, китаец, русский, иностранец и др.), установление их функций, в том числе определение протагониста и антагониста для представления конфликтной ситуации. Конструирование повествования обуславливается выбором языка, дискурса. Автор выявляет три типа репрезентации Китая и китайской культуры. «Мандарин» — прототипом этого образа становится чиновник империи Цин (маньчжурской династии). «Антропоморфный “лакомый кусок”» — Китай, зачастую изображенный в виде мандарина. «Застывшая империя» — образ Китая как недвижимой, костной, деспотической империи был доминирующим не только в России, но и в мире.

Ключевые слова

Ихэтуаньское восстание, Китай, Российская империя, карикатура, российско-китайские отношения

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Verbal and Visual-Figurative Clichés in the Representation of China in Connection with the Boxer Rebellion: *Mandarin, Anthropomorphic “Titbid”, Frozen Empire*

ZAKHARCHUK, V. V.

For Citation

Zakharchuk, V. V. Verbal and Visual-Figurative Clichés in the Representation of China in Connection with the Boxer Rebellion: *Mandarin, Anthropomorphic “Titbid”, Frozen Empire*. *Telekinet*, 2024, no. 1/2(26/27), p. 29-38.

About the Contributor

Vladlena Zakharchuk, MA, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0009-0000-6675-8082>

kram18x1@gmail.com

Affiliation

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russia.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

Article information: received on April 14, 2024; accepted for publication on April 20, 2024.

Abstract

The article analyzes the verbal and visual-figurative representations of China in magazines of the Russian Empire in 1898–1901. The author focuses on texts and images that became a reflection or reaction to the Boxer Rebellion, the main event included by the authors of the texts in the plots and narratives. The plot is formed by arranging the events selected by the authors in a logical relationship or sequence. The procedure for selecting events that are suitable for the representation of a particular plot requires the creator of a caricature to use stereotypes familiar to the viewer or reader, i. e. recognizable images. In the course of creating a plot, the authors make up collective images of characters (boxer, Mandarin, Chinese, Russian, foreigner, etc.), establish their functions, including defining the protagonist and antagonist to represent a conflict situation. The construction of a narrative is conditioned by the choice of language and discourse. The author identifies three types of representation of China and Chinese culture. “Mandarin” — the prototype of this image is an official of the Qing Empire (Manchu dynasty). “Anthropomorphic “tidbit”” — China is often depicted as a mandarin. The “frozen Empire, where everything is the other way around” — the image of China as an immovable, stagnant, despotic empire, was predominant not only in Russia, but also elsewhere.

Keywords

Boxer Rebellion, China, Russian Empire, caricature, Russian-Chinese relations

Широкая читательская аудитория художественных, юмористических, сатирических журналов предполагает репрезентации распространенного, узнаваемого образа; образа, черты которого можно проследить. Наибольшую выразительность образ приобретает в карикатуре. Карикатура — это и художественное произведение, и индикатор общественного мнения, и отклик на явления и события современности. Обращаясь к эмоциональному восприятию, карикатурист переводит фактуальную информацию на язык визуального образа. Эмоциональное воздействие тем сильнее, чем искусней в карикатуре отражены элементы узнаваемых образов, чем злободневней сопровождающие карикатуру тексты. Карикатура — это всемирная история в эпиграммах и зарисовках. Отсылки к феноменам, событиям, фактам, персоналиям в карикатуре могут быть как прямыми, так и косвенными (аллюзии). Отсылки выражаются как вербально, так и невербально.

Стоит отметить, что «острота» карикатур во второй половине XIX в. часто сглаживалась цензурой, на первый план выходили нейтральные иллюстрации, анекдоты и каламбуры. В изображении образов использовали клише — часто эксплуатируемые устоявшиеся приемы. Однако это не значит, что репрезентации фактов, событий и мнений были «блеклыми»; используя принцип семантической экономии, авторы могли вложить в образ большой объем значений, используя при этом ограниченный набор инструментов. Авторам приходилось «выбирать выражения»: в отличие от современности, где исследования по имперской истории предлагают избавиться от намеков и говорить прямо [Савицкий, с. 21], рубеж XIX–XX вв. подвергал цензуре каждый печатающийся текст (авторы проанализированных в работе текстов подписывали свои работы псевдонимами).

Карикатура как креолизованный текст иногда формировалась согласно логике, обратной привычной: к готовым зарисовкам заказывали юмористические подписи. Художник И. Грабарь вспоминает: «я надолго бросил рисовать, предпочитая сочинять “остроты” к чужим рисункам. Обычно Лебедев и Богданов приносили по пять-шесть рисунков сразу, без подписей, и к ним надо было придумать подписи, отвечающие изображенной сценке» [Грабарь, с. 69]. Использование такого приема означало добавочные значения, прибавление содержательно-концептуальной информации (в такой репрезентации можно проследить мнение не одного, а двух или нескольких авторов). На границе веков свободнее используют построение вербальной и невербальной информации на антифразисе, черный юмор, зооморфные метафоры.

Анализ вербальных текстов в работе производится согласно логике дискурс-анализа, а именно, согласно предположению о том, что доступ к реальности получается человеком посредством языка. С помощью языка создаются репрезентации реальности, которые не просто отражают то, что в ней есть, но и конструируют ее. Реальны лишь значения и представления о реальности. Так и в случае с репрезентациями Ихэтуаньского восстания в частности и Китая в общем — образ конструируется посредством терминов, знаков, символов, представлений. Такой конструкт позже становится отражением реальности в сознании зрителя-читателя. Отсылая к реальности, репрезентации конструируют новую реальность, в которой страну или событие можно охарактеризовать с помощью ограниченного набора значений. Значения, в свою очередь, создаются с помощью языка [Йоргенсен, Филипс, с. 29].

Ихэтуаньское восстание — главное событие, включающееся авторами текстов в сюжеты и повествования. Сюжет формируется путем выстраивания выбранных авторами событий в логическом соотношении или последовательности. Процедура отбора событий, которые подходят для репрезентации того или иного сюжета, требует от автора использование привычных для зрителя-читателя стереотипов, узнаваемых образов. В процессе создания сюжета происходит «поименование персонажей» [Зверева, с. 305] (ихэтуань/боксер, мандарин, китаец, русский, иностранец и др.), установление их ролей, в том числе определение Героя и Злодея для представления конфликтной ситуации. Конструирование повествования обуславливается выбором языка, дискурса.

На страницах юмористических, сатирических журналах посредством вербальных текстов, а также иллюстраций и карикатур, освещались наиболее важные (с точки зрения авторов, редакторов и издателей) политические, экономические, социальные и нравственные проблемы России и мира. Анализ вербальных и визуально-образных репрезентаций Ихэтуаньского восстания,

представленных в периодике, позволит не только охарактеризовать образы действующих лиц, но и в целом трансформацию образа Китая в России. Для анализа в работе используются еженедельные юмористические, сатирические и иллюстрированные журналы: «Будильник», «Искры», «Осколки», «Стрекоза» и «Шут».

Мандарин

В 1898 г. репрезентации Китая, представленные в журналах, еще не отсылают к восстанию ихэтуаней. События, происходившие в Китае в связи с восстанием, получают широкую огласку только в 1899 г. после убийства английского миссионера Брукса. Отсутствие упоминаний Ихэтуаньского восстания, тем не менее, дает возможность проанализировать репрезентации тех образов Китая/ китайца, которые уже закрепились к 1898 году.

Самым используемым и распространенным становится образ «мандарина»¹ — китайского чиновника. Прототипом этого образа становится чиновник империи Цин (маньчжурской династии); наиболее известным и влиятельным цинским сановником являлся Ли-Хун-Чан (Ли Хунчжан), его часто изображали художники и карикатуристы.

Образ мандарина² состоит, по сути, из следующих черт: 1) головной убор с шариками, павлиньим пером; 2) бритая со лба голова с косой, спускающейся от затылка; 3) покрывающие рот усы и/ или борода; 4) одеяние-халат/ юбка; 5) сапоги на платформе или гэта³; 6) длинные ногти. Иногда к образу добавлялся веер или зонтик. В соответствии с форматом карикатуры черты гипертрофировались (ногти, например, изображали очень длинными).

Имеет смысл охарактеризовать каждую черту образа по отдельности. Итак, головной убор с шариками и павлиньим пером — часть неизменного одеяния мандарина. Шапки с шариками носит каждый, кто сдал экзамены для получения ученой степени [Корсаков, с. 120–121]. Шарик, как отмечал Э. Э. Ухтомский, — «важнейший знак отличия» [Ухтомский, с. 156], ими определяется старшинство и служебное достоинство сановников. Кроме шариков, высшие сановники носят павлиньи перья, которые вставляются под шарик на верхушке головного убора. Шарик, их значимость отразилась в журналах в виде сатиры на тему «глупости» китайской стратификации: количество шариков, по представлению российской печати, отражало статус владельца (на самом деле важно было не количество, а материал и цвет)⁴.

Коса — универсальная черта китайца, встречающаяся в проанализированных журналах наиболее часто: «без косы китаец не мыслим» [Корсаков, с. 84]. Голову бреют со лба, оставляя косу на затылке. У косы в цинском Китае своя история. Она является украшением, гордостью и признаком национальности. До завоевания Китая маньчжурами китайцы носили длинные волосы, которые закручивались в «шишку». С приходом к власти династии Цин маньчжуры обязали всех китайцев брить часть головы и носить спущенную косу (в знак подчиненности). Ослушавшимся выносили смертный приговор. Со временем и сами маньчжуры стали носить такую прическу, оказавшись под влиянием обычая. В номере «Будильника» за 1898 г. даже есть такой тезис: «Китаец охотнее готов лишиться головы, чем косы»⁵. В 1900 г. в «Осколках» была опубликована заметка с историей китайской косы⁶.

Право носить косу китаец получает с совершеннолетием (16 лет) [Корсаков, с. 85]. Для густоты в косу иногда вплетается шелк. Каждый обладатель косы заботится о чистоте головы: на улицах Пекина даже можно увидеть «картину мытья и причесывания головы особыми цирюльниками, ходящими по улицам с своими инструментами»⁷. Коса — необходимый, отличительный признак «настоящего человека» [Коростовец, с. 21]. Потерять косу значит потерять честь. Бритье, умывание, манипуляции с волосами на улице упоминает и И. Я. Коростовец в работе 1898 г. О практической значимости косы он пишет: «в случае недоразумения между двумя желтокожими, противники стараются прежде всего вцепиться друг другу в косы и тогда уже вступают в рукопашную. Коса имеет и воспитательное значение: отцы семейств пользуются ею вместо розги, для наказания детей. Но особенную услугу оказывает коса полицейским чиновникам; при аресте преступников блюстители порядка связывают их вместе косами и затем ведут в ближайший ямынь для наказания»⁸.

Усы не подстригаются и не закручиваются в сторону, их стараются отращивать вниз для закрытия губ. В структуре образа усы не имеют никакой смысловой нагрузки, служат только для отсылки к реальности. «Здесь в обыкновение введено отпускать усы в 30, а бороду — в 40 лет» [Бичурин, с. 307]⁹.

Одеяние. Чиновники носят одежду из шелковых цветных тканей, а зимой — халаты и курмы (от маньчжурского слова курумэ — однобортный халат). Бывают также укороченные курмы — магуа-цзы. Засученные рукава курмы нередко используются в качестве карманов. Домашним платьем китайца служит кафтан, доходивший до щиколоток. По случаю торжества сановники надевают курмы всевозможных цветов, за исключением желтого — императорского цвета. Отличительные признаки одеяния мандарина — «вышивки на груди и спине, четки на шее и шарик на шапке» [Коростовец, с. 325]. В одеяниях китайцев преобладает синий цвет. Вишневый — признак принадлежности к высшим слоям общества.

Обувь: сапоги и гэта. Сапоги суюе-цзы шьются из атласа или китайки черного цвета, с белыми подошвами толщиной в дюйм и более. Подошвы набираются из толстой бумаги или ветошек [Бичурин, с. 303]. Гэта — деревянные сандалии на платформе. Платформа выполняла практическую функцию — защиту от грязи и воды.

Длинные ногти ценятся, так как служат маркером принадлежности к высшим слоям общества: «до уродства опущенные ногти — признак аристократического положения» [Ухтомский, с. 79], — пишет Э. Э. Ухтомский. Рабочие и простолюдины не могут отращивать длинные ногти, так как вынуждены заниматься физическим трудом. Для защиты ногтей от поломки и придания им большей привлекательности на них надевались ноготники — защитные футляры. Длина ногтей могла достигать 8 см [Dyer Ball, с. 257]. Поскольку такое представление не было распространено в Европе, мандаринов часто изображали

¹ Европейское обозначение (см.: Иллюстрированный энциклопедический словарь: современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С. 387); от испан. *mandar* — командовать (см.: Спафарий Н. Г. Описание первой части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. С. 241).

² Стоит отметить, что образ можно считать реалистичным, даже фотографичным. Он полностью соответствовал внешнему облику влиятельного сановника эпохи Цин.

³ Традиционная китайская и японская обувь; распространена в связи с удобством. Гэта для аристократии отличались высоким качеством материалов, украшениями.

⁴ Мандарины с тремя и четырьмя шариками в: Сам-Пью-Чай. Китайские анекдоты // Стрекоза. 1900. 8 октября (№ 41). С. 6; пять шариков в: Чих [Патараки С. А.]. Китайский анекдот // Стрекоза. 1900. 26 ноября (№ 48). С. 2.

⁵ А-он. [Альберсон Г. П.]. Политические шалости // Будильник. 1898. 4 октября (№ 39). С. 5.

⁶ Мандарин Ми-Хай. История китайской косы // Осколки. 1900. 29 июля (№ 31). С. 5.

⁷ Мандарин Ми-Хай. История китайской косы // Осколки. 1900. 29 июля (№ 31). С. 86–87.

⁸ Ямынь — присутственное место, суд; Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация. С. 326.

⁹ Бичурин Н. Я. Неизвестный Китай. Записки первого русского китаеведа. С. 307.

с очень длинными ногтями.

Веер и зонтик служили, в первую очередь, для прохлады и защиты от солнечных лучей. В. В. Корсаков пишет: «без веера нельзя встретить летом ни одного китайца и на веере, более чем на какой либо иной части туалета, сказывается вся изобретательность китайской моды. Разнообразие форм вееров и величины, рисунков на них, надписей ежегодно меняется» [Корсаков, с. 93]. Веер является также атрибутом этикета. Знатные китайцы при встрече должны поклониться друг другу, а веером можно закрыться и проехать мимо: «знакомые при встрече закрывают им лицо и делают вид, что друг друга не заметили» [Коростовец, с. 325]. Используя такие характерные черты, карикатуристы уже закладывали в них описанные выше смыслы. Коса отсылала не к означаемому — косе китайца, а, в первую очередь, к представлению о достоинстве, отличительному признаку «настоящего человека». Шарик, ногти — к статусу сановника, респектабельности.

Как уже было отмечено, сановник Ли Хунчжан является своеобразным прототипом образа мандарина. Его часто изображали в карикатурах, упоминали в рассказах и анекдотах. На карикатуре в разделе «Иностранные делишки» журнала «Будильник» Ли Хунчжан изображен в традиционном костюме, с бородой и усами (ему тогда уже было более 70 лет — в этом возрасте китайцы «отрачивают все, что могут» [Dyer Ball, с. 720]), в шапке с шариком и павлиньим пером, с зонтом и очень длинными ногтями. Подпись: «Ли-Хун-Чан: Кто бы подумал, что немцы так скоро возвратят мне визит»¹, — отсылает, скорее всего, к событиям, которые предшествовали оформлению договоров с Китаем об аренде территорий. В марте 1898 г. была подписана германо-китайская конвенция об аренде Цзяочжоу на 99 лет и о передаче немцам концессий на железнодорожное строительство на Шаньдуне. До этого, в январе 1896 г. кайзером Вильгельмом II была провозглашена «Мировая политика», а Китай оказался «удобным местом для апробирования новых колониальных методов» [Дацышен, с. 214]. Подпись здесь выполняет пояснительную функцию, придает новое значение (без нее понятно только то, что это мандарин или, возможно, известный Ли Хунчжан).

Ли Хунчжан часто упоминается в журналах как «Китайский Бисмарк»². В 1900 г. «Стрекоза» публикует его афоризмы³. «Характерный» представитель мандаринов встречается также в карикатуре «Из восточных мелодий»: описанные выше черты используются в противопоставлении образу европейского человека. Подпись: «—Как, неужели все это придется надеть?»⁴. В тексте, вкупе с которым, скорее всего, задумывалось читать карикатуру, описывается, как китайцы не поспевают за техникой нанятых немецких инструкторов: «нося юбки на вате, поднимать носки выше головы очень не легко»⁵.

Во многих других образах (образы Китая, образы боксеров) «мандарин» используется в качестве основы. Характерные черты передают образ сановника, который затем, в свою очередь, передает образ Китая (персонификация Китая, в отличие от, например, персонификаций Англии, Америки, основана не на конкретном персонаже со своим именем, а на собирательном образе мандарина).

Юмор, связанный с функциональностью китайской косы (как характерной китайской черты), находит отражение в многокадровой карикатуре «Для чего существует у китайцев коса» художника С. И. Эрбера. Карикатура состоит из 10 кадров, каждый из которых представляет определенный сюжет. Коса используется: как средство для привязывания к себе телеги с ребенком (по типу коляски), как средство для вылавливания детей из канав, в качестве вожжей, как инструмент порки детей, в качестве скакалки, как удочка для ловли рыбы, как путеводная нить (если составить мандаринов в ряд) — а также: обладателя косы можно за нее дернуть в качестве наказания⁶. Другой пример: зарисовка «Как китайцы рыбу ловят». Замысел: с помощью кос. Привязывая к косе наживку (червя), китаец опускает косу в воду, затем подсекает добычу⁷. Коса в качестве скакалки встречается и в иллюстрации из «Искр». Подпись: «Как играют дети у китайцев? — В разные игры... Но всего больше любят они прыгать, как через веревочку, через косу своего папеньки, которую при этом держит маменька»⁸. Репрезентация кос как линии телеграфа представлены в многокадровой карикатуре, помещенной в «Искры». Кадры хронологически рассказывают о ситуации, в которую попал «немец-телеграфист». Ихэтуани, уничтожая все иностранное, разрушают часть телеграфной линии. Угрожающий немец выстраивает ихэтуаней в ряд, связывает их косы в единую линию — так он заменяет недостающую часть линии телеграфа⁹.

Среди упоминаний встречаются также: тезис «мандарин — человек с шариком вместо головы»¹⁰, загадка «Когда китаец похож на фрукт? Когда он мандарин»¹¹, карикатура «Шествие монет на Всемирную парижскую выставку»: на ней представлены антропоморфные образы валюты разных стран; китайский таэль (лянь) представлен в виде двух мандаринов: с косами, в шапках с шариками и перьями, в одеянии сановника и обуви на платформе. Таэль, или лян, использовался как весовая и денежная единица, поэтому и образа два.

В «Стрекозе» в 1900 году публикуется заметка, в которой предлагается такой список черт китайского образа: косые глаза, длинная коса, юбка, шаркающие войлочные туфли, изображение дракона и сидение на корточках, «держа указательные пальцы обеих рук вверх»¹². Мандарины в позе сидения на корточках изображались нечасто, но одна такая репрезентация даже была помещена на обложку «Искр»¹³.

Таким образом, «мандарин» — это и репрезентация сановника Китая, и основа для других репрезентаций: персонификации Китая, персонификации боксерского движения в целом и ихэтуаня в частности. С помощью характерных черт как взаимодействующих

1 Иностранные делишки // Будильник. 1898. 25 января (№ 4). С. 11.

2 Наружные телеграммы // Будильник. 1899. 21 марта (№ 11). С. 5; Наружные телеграммы // Будильник. 1900. 20 февраля (№ 7). С. 8; Б. [Василевский И. Ф.]. Герои дня: Ли-Хунг-Чанг // Стрекоза. 1900. 25 июня (№ 26). С. 3.

3 Б. [Василевский И. Ф.]. Герои дня: Ли-Хунг-Чанг // Стрекоза. 1900. 25 июня (№ 26). С. 3.

4 Соколовский. Из восточных мелодий // Стрекоза. 1898. 7 июня (№ 23). С. 2.

5 «Веяние злыбы дива» // Стрекоза. 1898. 7 июня (№ 23). С. 2.

6 Эрбер С. И. Для чего существует у китайцев коса // Осколки. 1900. 4 ноября (№ 45). С. 8.

7 Как китайцы рыбу ловят // Шут. 1899. 1/13 мая (№ 18). С. 4; также: Как китайцы рыбу ловят // Шут. 1901. 16/29 июня (№ 25). С. 10.

8 Любимая игра китайчат // Искры. 1901. 28 января (№ 4). С. 68.

9 Немец-телеграфист и китайские боксеры // Искры. 1901. 7 апреля (№ 14). С. 2.

10 А-он [Альтерсон Г. П.]. Политические шалости // Будильник. 1898. 22 марта (№ 12). С. 8.

11 А-ндар [Гомолицкий А. И.]. Китайская загадка // Будильник. 1900. 9 июля (№ 26). С. 9.

12 Великий прорицатель пресветлого Будды: (Баль) // Стрекоза. 1900. 29 октября (№ 44). С. 2.

13 Мухин М. [На корточках] // Искры. 1901. 4 марта (№ 9). С. 1.

элементов образа собирались целостные репрезентации, которые моментально отсылали зрителя-читателя на ментальную территорию Китая. Обнаруживая изображение человека с длинными косой и ногтями, в шапке с шариком, в длинном одеянии интерпретатор изображения сразу мог охарактеризовать тематику: «Китай».

Антропоморфный «лакомый кусок»

Как и многие другие образы стран, представленные с помощью персонажей (Джон Буль = Англия, Дядя Сэм = Америка, антропоморфный боксирующий кенгуру = Австралия, Марианна = Франция), Китай зачастую изображается в виде мандарина (со всеми ему присущими чертами). На карикатуре «Новейший Гулливер»¹ изображен связанный, «покоренный» Китай. Черты образа соответствуют описанным в параграфе 2.1 чертам мандарина, хотя использованы не все: только коса, шапка с шариком, длинные ногти, обувь на платформе. «Китай» окружен японцем, англичанином, германцем и австрийцем. Подпись: «Не все коту масляница. Сам-Пью-Чай. — Эти забавники меня опутали тончайшими нитями, которых я, однако, не могу разорвать... Странно!», — отсылает к последствиям поражения Китая в войне с Японией, а также к влиянию на Китай иностранных держав, захвату территорий. Иностранцы занимали порты, приобретали концессии. «Раздел» был официально оформлен соглашениями, отсюда невозможность Китая «разорвать нити». На следующей странице выпуска предлагается заметка с характеристикой происходящего на карикатуре: «... явились беспокойные люди, которые взбудоражили сонное царство. Колоссу трудно двинуться, а его тормозят с разных сторон»². Здесь находит отражение еще один образ — Китай как застывшая во времени империя; подробнее об этом образе в параграфе 2.3.

Имя «Сам-Пью-Чай» — одно из множеств имен, с помощью которых в сатирических изданиях называли китайцев³. В «Будильнике» также встречаются: Раз-Не-Су, Сам-Сушу, На-Фу-Фу; в «Стрекозе», кроме Сам-Пью-Чай, встречаются: Плюнь-Плюнь, Тьфу-Ты-Плюнь; в «Шуте»: По-Ску-Чай, Плюнь-На-Чай, Мень-Ше-Ври, Кси-Пси-Тьфу, Не-Ха-Чу; в «Осколках»: Ням-ням, Мух-мор, принц Динь-Динь, Чай-С-Конь-Я-Ком, — и многие другие. Слова, словосочетания делились на части и записывались через тире (по принципу записи китайских имен)⁴. Такие наименования были не только распространены в журналах, но и встречались в литературе. В стихотворении Алексея Константиновича Толстого «Сидит под балдахинном» главный герой — мандарин «Цу-Кин-Цын»⁵.

Китай, мыслимый в категориях ориентализма и постколониальных исследований, нашел отражений во многих журнальных текстах и изображениях. Например, в «Будильнике» 1898 г. встречается такой шуточный диалог: «— По английским сообщениям, китайцы далеко заехали в культурном отношении. По крайней мере, китайские женщины уже ездят на велосипедах. — Да, но англичане тоже отлично ездят на китайцах»⁶. Диалог отсылает к иностранной экспансии в конце XIX в., активную роль в которой сыграла Англия. В 1898 г. порт Вэйхайвэй был сдан в аренду Великобритании, в результате чего появилась колония Британский Вэйхай. На иллюстрации Миллера в «Шуте»⁷ Джон Буль (персонификация Англии) и Вильгельм II делят «Китай». Подпись отсутствует. На следующей странице опубликовано стихотворение «La Chine» (Китай) на французском языке. В нем содержится комментарий к иллюстрации: два самонадеянных (Англия и Германия) хотят «проглотить»⁸ больше, чем могут. Это также отсылка к «новой волне раздела Китая» в конце XIX в. [Дацьшен, с. 215].

Иллюстрация Миллера «Европа и Китай» отражает попытки западных держав взять Китай под контроль, воспитать и «окультурить». На изображении маленький, обездвиженный займами, промышленностью, таможней, железными дорогами и армией Китай лежит в детской кроватке. Его укачивает гувернантка-Европа. Подпись гласит: «Европа: — Мне кажется, никогда не поздно. Если повести воспитание систематически, можно всегда добиться желаемых результатов»⁹. Ниже подписи указание: «см. страницу 2». На второй странице помещена «Колыбельная» на французском языке; ее текст усложняет образ, дополняет значение. В «Колыбельной» говорится о том, что «ребенок» не заботясь о приличиях, получил дозу опиума — это отсылка к злоупотреблению опиумом на территории Китая¹⁰, которое, как пишет А. В. Иванов, уже к началу XIX в. привело к «деградации населения» [Иванов, с. 570]. Далее в «Колыбельной» озвучивается интенция Европы по отношению к Китаю: «... чтобы он никогда не двигался, я хотела подарить ему <...> целое великолепное сокровище <...> он будет хорошо сидеть тихо, не мешая мне...»¹¹.

В контексте раздела территорий и сфер влияния озвучиваются также и вопросы, связанные с китайскими займами в конце XIX в. В 1895 г. в Петербурге была подписана декларация о предоставлении Россией Китаю займа в 400 млн франков [Дацьшен, с. 213] (по другим данным — 100 млн рублей золотом [Самойлов, с. 55]), деньги были предоставлены при поддержке французских банков. Позже, в 1897 г. Китаю понадобился заем для выплаты Японии взноса контрибуции. С. Ю. Витте согласился удовлетворить просьбу Ли Хунчжана, но с условием разрешения строительства железной дороги к одному из портов Желтого моря, а также исключительным правом на получение концессий в Маньчжурии и Монголии. Одновременно, Англия предложила свой заем на льготных условиях. 22 января (3 февраля) 1898 г. А. И. Павлов сообщил, что Китай решил не брать денег ни у Англии, ни у России [Лукоянов, с. 330]. Переговоры, касающиеся займов, строго говоря, были основаны на попытках держав добиться получения желаемого влияния, территории. Хорошей иллюстрацией этого вопроса можно считать обложку выпуска «Осколков» 1898 г. На ней изображены китайский двор, женщины, грозди винограда и собака в костюме с лентой «Англия», устремленная вверх, к гроздьям. Текст внутри иллюстрации, написанный

1 Новейший Гулливер // Будильник. 1898. 15 февраля (№ 7). С. 2.

2 О том и о сем // Будильник. 1898. 15 февраля (№ 7). С. 3.

3 Фамилии создавались из русских слов и делились так, чтобы звучали «по-китайски».

4 Этот прием используется и в XXI веке: в 2013 г. после крушения боннга 777 канал KTVU выпустил репортаж, в котором ведущая Тори Кэмбелл зачитала имена пилотов: Sum Ting Wong (something's wrong — что-то не так), Wi Tu Lo (we're too low — мы слишком низко) и др. Позже выяснилось, что полученная информация была «опранком». Эта ошибка привела к увольнению трех продюсеров канала. См.: Asian Pilots Names from KTVU News Plane Crash — "Captain Sum Ting Wong" // Видеохостинг YouTube. Канал Razy Nezza. Изображение: видео. URL: <https://youtu.be/gpP256c74Ts> (дата обращения: 14.05.2024).

5 Толстой А. К. Стихотворения. М.; Л.: Советский писатель, 1936. С. 311–312.

6 А-он [Альтерсон Г. П.]. Политические шалости // Будильник. 1898. 15 февраля (№ 7). С. 5.

7 Миллер. [Раздел] // Шут. 1898. 24 января/ 5 февраля (№ 4). С. 4.

8 Manuel. La Chine // Шут. 1898. 24 января/ 5 февраля (№ 4). С. 6.

9 Миллер. Европа и Китай // Шут. 1898. 21 марта/ 2 апреля (№ 12). С. 4.

10 Фотографии и истории китайских «курительщиков опиума» помещены в: Курительщики опиума // Искры. 1901. 5 мая (№ 18). С. 7, 10.

11 Manuel. Berceuse // Шут. 1898. 21 марта/ 2 апреля (№ 12). С. 2.

в стилистике китайского традиционного письма, гласит: «Там винограду кисти рделись. У кумушки на виноград глаза и зубы разгорелись. А кисти сочные как яхонты горят. Лишь беда — висят оне высоко»¹. На гроздях винограда: «концессии», «открытый порт», «китайский заем». Так автор изобразил попытки Англии (на иллюстрации — зооморфной «кумушки») добиться влияния в Китае (в противовес другим державам) — «у кумушки на виноград глаза и зубы разгорелись». Другие элементы изображения (китайки, двор/ сцена) служат фоном, контекстом событий.

В журналах также были распространены вербальные репрезентации темы займов. Например, в 1898 г. встречаются такие упоминания: «Мы сделаем заем, один, другой, третий, и опорожним карманы варваров»², «мандарины, увлеченные займами, собрались заложить в ссудной кассе китайскую стену»³, «— Наконец, Китай вступает в семью цивилизованных государств... — Каким образом? — Он открыл целую серию займов»⁴, «Из китайского словаря: Китай — страна богатая бедными людьми. Заем — фокус, заменяющий деньги»⁵, «— Что делают китайцы без денег? — Тоже что европейцы: занимают деньги у других»⁶. И если займы были направлены во внешнюю политику, то внутри страны также разворачивался экономический кризис, спровоцированный иностранной экспансией. Проникновение на китайский рынок иностранных товаров снижало потребление товаров внутренней торговли, строительство железных дорог и введение почтово-телеграфной связи отнимали работу людей, занятых транспортом и сообщением: «Что делают иностранцы в Китае? <...> Инженеры прокладывают новые пути в китайские карманы»⁷. Жадность китайцев нашла отражение и в период восстания: «Прокламация китайских мандаринов. “Нуждаясь в деньгах <...> мы <...> нарочно допустили белых дьяволов занять столицу небесной империи, так как за подобный поступок иностранные варвары должны будут уплатить Китаю огромный штраф”»⁸, «Если хочешь сделать подарок мандарину, подари ему наличными»⁹. Жадному мандарину периодические издания даже дали имя — «Дай-На-Чай!». Распространяющееся иностранное влияние, «борьба за концессии» (которую красочно изображает иллюстрация Миллера¹⁰ и неспособность китайского правительства противостоять натиску иностранных порабитителей выражались, например, в стихотворении 1898 года: «Скорбит китайцев нация, — Потребно бросить сон: В страну цивилизация Летит со всех сторон. Японцы, немцы, русские, Француз и рыжий бритт!.. Долой порядки узкие, — Свет знания блестит. Прогресс, полн духа модного, Как будто невзначай, Оставит там природного — Китайского... лишь чай»¹¹. Стоит отметить, что до заметок о восстании, одно из самых популярных упоминаний Китая связано с чаем.

Российские завоевания отражены, например, в тексте «Не-дельные наброски» в выпуске «Шута» за 1898 г.: «С уступкой Китаем России Порт-Артура и Талиенвана, в 25-летнее пользование, свершился акт величайшего культурного факта: Пробито окно в Азию <...> К “окну” будет доведена наша Сибирская железная дорога...»¹². Это отсылка к КВЖД и русско-китайскому соглашению, по которому России в аренду переходила южная часть Ляодунского полуострова, где была после создана российская колония (Квантунская область). Порт-Артур защищал эту территорию с моря. «Талиенван» — бухта Ляодунского залива.

Китай как «лакомый кусок» представлен в «Политических шалостях» — рубрике «Будильника»: «— Что такое Китай? — Лакомый кусок для европейцев. <...> — В каких отношениях Китай находится к державам? — Державы любят Китай так, что готовы урезать себе куски на память. <...> — Рады ли китайцы железным дорогам? — Очень рады, так как надеются, что по ним легче будет убраться домой немцам и англичанам...»¹³. Тематика «раздела» Китая державами освещалась и в «Осколках»: «Бритт тебя за косу тянет, Да и немец тем же занят. Ты, китаец, близорук, И не видишь дальше носу, Так тебе они, мой друг, Оторвут, пожалуй, косу»¹⁴. В «Будильнике»: европейцы, представленные Германией, Италией, Англией, «... готовы ползть хоть на луну, лишь бы завладеть колониями»¹⁵.

Первые попытки Италии принять участие в разделе сфер влияния нашли отражение в стихотворении «Немножко политики»: «... Италия даже Не спит дней и ночек И жаждет, в кураже, Урвать, хоть кусочек [Китая]»¹⁶ и в карикатуре на обложке 11 номера «Будильника» за 1899 г. Подпись гласит: «— Не стянешь, голубушка, не по росту смела»¹⁷. На карикатуре изображена Китайская Империя в виде большого ухмыляющегося мандарина (черты: шапка с шариком и пером, усы, коса, одяние цинского чиновника, обувь на платформе, длинные ногти). «Китай» держит в руках персики, которые, в свою очередь, символизируют сферы влияния, которые желает «урвать» маленькая Италия (также изображена в виде персонификации). Подпись в данном случае отражает значение карикатуры, но не полностью; она не дает дополнительных значений. Вербальные элементы обложки, относящиеся к изображению, и сама карикатура — полностью креолизованный текст (вербальная составляющая сама по себе не предлагает значительного смысла). На следующей странице в заметке содержится пояснение к иллюстрации на обложке: «... Итальянцам тоже захотелось полакомиться плодами “китайской политики” и сорвать бухту или гавань, но, оказывается, не досрели <...> В настоящее же время даже китайцы, потрясая юбками, храбро посмеиваются над итальянскими претензиями...»¹⁸. Это же значение (Италия пытается урвать себе кусок Китая) представлено и в иллюстрации Миллера.

¹ Листва и виноград // Осколки. 1898. 14 февраля (№ 7). С. 1.

² А-он [Альтерсон Г.П.]. Политические шалости // Будильник. 1898. 15 февраля (№ 7). С. 5.

³ Наружные телеграммы // Будильник. 1898. 8 марта (№ 10). С. 5.

⁴ А-он [Альтерсон Г.П.]. Политические шалости // Будильник. 1898. 8 марта (№ 10). С. 5.

⁵ А-он [Альтерсон Г.П.]. Политические шалости // Будильник. 1898. 22 марта (№ 12). С. 8.

⁶ Политические шалости // Будильник. 1898. 15 ноября (№ 45). С. 8.

⁷ А-он [Альтерсон Г.П.]. Политические шалости // Будильник. 1898. 22 февраля (№ 8). С. 5.

⁸ А-он [Альтерсон Г.П.]. Политические шалости // Будильник. 1900. 20 августа (№ 32). С. 5.

⁹ Жорж [Альтерсон Г.П.]. Из китайских мудрецов // Будильник. 1900. — 3 сентября (№ 34). С. 9.

¹⁰ Миллер. [Борьба за концессии] // Шут. 1898. 11/23 июля (№ 28). С. 4.

¹¹ Новый поэт [Медведев Л.М.]. В небесной империи // Будильник. 1898. 8 марта (№ 10). С. 5.

¹² Не-дельные наброски // Шут. 1898. 21 марта/ 2 апреля (№ 12). С. 14.

¹³ Политические шалости // Будильник. 1898. 15 ноября (№ 45). С. 8.

¹⁴ Жан Санаржан. По адресу китайца // Осколки. 1898. 7 марта (№ 10). С. 5.

¹⁵ Политические шалости // Будильник. 1899. 30 мая (№ 20). С. 5.

¹⁶ Лео [Медведев Л.М.]. Немножко политики // Будильник. 1899. 14 марта (№ 10). С. 5.

¹⁷ Всяк сверчок знай свой шесток // Будильник. 1899. 21 марта (№ 11). С. 1.

¹⁸ О том и о сем // Будильник. 1899. 21 марта (№ 11). С. 3.

Подпись: «Италия: И мне, и мне... Чем же я хуже других?»¹. На иллюстрации изображены мандарин (Китай) с веером в шапке с шариком, он держит в руке кошелек. Персонафикация Италии, стоя рядом с рыжеволосым бриттом (Англия) протягивает ладонь к Китаю.

В итоге Италия отступила (до войны, объявленной в 1900 г.), решив, что «не стоит ходить в гости туда, где двери захлопываются перед носом и могут еще нос ущемить»². «Стрекоза» тоже порицает попытки Италии влезть в Китай вместе с Европой: «У Китая теперь на очереди самое хорошее и спокойное дело: он распродает, переуступает и сдает в аренду себя же Европе <...> Но чего ради итальянцы суются теперь в Китай? Что они там забыли...»³. В «Осколках» итальянцы обещают «показать себя»⁴.

Роль США в событиях, предшествовавших объявлению войны, отражена в журналах скудно (хотя США официально входил в Альянс восьми держав). В 1899 г. в «Шуте» упоминается интенция Америки: «Китайцы бедные в горе, совсем их империю разделят вскоре. Не одни европейцы от нее куски хотят рвать, и янки не прочь себе кое-что достать...»⁵.

Тематика раздела Китая продолжается и в период восстания: например, на обложке «Будильника» за 1900 г. изображена китайская цирюльня, в которой представители держав мылят лицо представителю Китая⁶. В описании к обложке предлагается метафора Китая как клиента парикмахерской, где парикмахерская — метафора раздела, но уже не мирного, а в контексте военных действий: «китайско-парикмахерские операции, на дружественных началах, совершались бескровно. Если кто отхватит кусочек уха, в роде Киачау или Вейхайвея, то с извинениями и поклонами... А теперь уже китайцу не избежать “бритья”, прямо с кровопусканием...»⁷. На другой обложке того же года персонафикация Китая уносит ноги от «пчел цивилизации». Это двухкадровая карикатура: на первом кадре «Китай» подходит к улью, ворошит внутренности палочкой; на втором — «пчелы цивилизации», вылетая из улья, окружают мандарина. Ужаленный, «Китай» уносится прочь. Подпись: «— Раздразнил я пчел на свою голову, как-бы теперь унести целыми ногами»⁸. В описании говорится о попытках Китая «разнести европейский улей, который мешал его [китайской] излюбленной косности. Но взбудораженный улей объединился, а в единении сила, и китаец за храбрость поплатился...»⁹ (прим. автора).

Таким образом, репрезентации разделяемого Китая создаются в рамках властного дискурса с использованием приемов объективации, персонафикации, подчеркиванием различий между право-имеющим цивилизованным Западом и Востоком, прерогативой которого остается только подчинение. Образ мандарина реализуется как основа антропоморфных репрезентаций образа Китая.

Застывшая империя, где все наоборот

Представление о Китае, как о недвижимой, косной, деспотической империи, как уже отмечалось в первой главе¹⁰, было доминирующим не только в России, но и в мире. В рассматриваемых журналах это представление нашло отражение в таких терминах, словосочетаниях и стихотворениях: «представитель покоя»¹¹, «сонное царство»¹², «много лет росла ты, процветая, В недвижимом сне, в занятиях мирных»¹³, «Восстань, Китай, от спячки, Забудь удел былой И косности болячки стяхни с себя долой»¹⁴, «китайцы — <...> носители кос и косности»¹⁵. В «Политических шалостях» 1898 г. даже была опубликована заметка о «политических болезнях». Болезнь Китая — сонливость, граничащая «с летаргией, требующей сильных мер»¹⁶. Представления о том, что все в Китае «древнее», как и само государство, нашло отражение в образе военной мощи Поднебесной. Китаец-военный и до, и во время восстания предстает в журналах в комичном образе. Сатира на эту тематику представляет арсенал китайского войска, который состоит из бумажных змеев, картонных драконов¹⁷ и стрел¹⁸.

Репрезентация застойности и спокойствия Китая встречается с образом «антропоморфного лакомого куса» в карикатуре В. Чемберса. В карикатуре два кадра. На первом персонафикация Китая (мандарин) сидит на бамбуковом стуле под зонтиком, пьет чай и курит опиум с помощью длинной трубки на фоне Великой Китайской стены. Все изображенные предметы, кроме фарфоровых чайника и чашки, сделаны из «универсального материала» [Dyer Ball, с. 73] — бамбука (стул, мат, стол, зонтик, опиумная трубка). Подпись: «Более трех тысяч лет Китаец спокойно благоденствовал за своей стеной»¹⁹. На втором кадре спокойствие нарушено огромными осами: Англией, Германией, Францией, Японией и чуть меньшего размера Италией. Китай в ужасе соскочил со стула и с воплем уносится прочь. Подпись: «ВДРУГ!!!».

Встречаются также упоминания о том, что в Китае все наоборот: «Англичане благополучно заняли Вей-Хай-Вей, где нашли двух заморенных китайцев, которых, впрочем, заставили кричать “ура”, то есть, “караул” — по-китайски, все наоборот»²⁰, поговорка «нашла коса на камень» в китайской версии (по мнению автора заметки) звучит как «коса нашла на камень»²¹.

Наиболее репрезентативным примером этого тезиса можно считать карикатуру, помещенную на обложку «Будильника». На

1 Мидлер. [Италия и Китай] // Шут. 1899. 3/ 15 апреля (№ 14). С. 4.

2 Наружные телеграммы // Будильник. 1899. 16 мая (№ 18). С. 5.

3 «Всеякие злобы дня» // Стрекоза. 1899. 7 марта (№ 10). С. 2.

4 Свифт [Михайлов К. А.]. Из Европы и дальше // Осколки. 1899. 13 марта (№ 11). С. 5.

5 Буфер. Раешник // Шут. 1899. 13/ 25 ноября (№ 46). С. 11.

6 В китайской цирюльне // Будильник. 1900. 6 августа (№ 30). С. 1.

7 О том и о сем: Европа в Китае // Будильник. 1900. 6 августа (№ 30). С. 3.

8 Трутень и пчелы цивилизации // Будильник. 1900. 13 августа (№ 31). С. 1.

9 О том и о сем: Европа в Китае // Будильник. 1900. 13 августа (№ 31). С. 3.

10 На примере работ Ш. Л. Монтегеске, Ж.-Ж. Руссо, В. С. Соловьева, П. Я. Чаадаева, Э. Э. Ухтомского, И. Г. Гердера и др.

11 О том и о сем // Будильник. 1898. 15 февраля (№ 7). С. 3.

12 О том и о сем // Будильник. 1898. 15 февраля (№ 7). С. 3.

13 Тес-тес. Дальне-Восточные мелодии. Ч. 1. // Шут. 1898. 24 января/ 5 февраля (№ 4). С. 3.

14 Люцифер [Юркевич В. А.]. Цивилизация Китая // Осколки. 1898. 21 февраля (№ 8). С. 5.

15 А-он [Альгерсон Г. П.]. Политические шалости // Будильник. 1899. 25 июля (№ 28). С. 5.

16 А-он [Альгерсон Г. П.]. Политические шалости // Будильник. 1898. 12 апреля (№ 14). С. 5.

17 Наружные телеграммы // Будильник. 1898. 8 февраля (№ 6). С. 8.

18 Политические шалости: Европейцы в Китае // Будильник. 1900. 23 июля (№ 28). С. 5.

19 Чемберс В. [Беспокойство] // Шут. 1899. 29 мая/ 10 июня (№ 22). С. 4.

20 Наружные телеграммы // Будильник. 1898. 31 мая (№ 21). С. 5.

21 А-он [Альгерсон Г. П.]. Политические шалости // Будильник. 1899. 28 марта (№ 12). С. 5.

ней изображена пораженная персонификация Европы, смотрящая вверх, и китайская повседневность. Фон перевернут потому, что, как подсказывает подпись: «Европа. — О ужас! Все тут “вверх” ногами! Будет мне работа все установить попрежнему...»¹. В описании обложки замысел обозначается путем сравнения с экспонатом парижской выставки «Дом вверх дном»². Экспонат «Замок чудес» представлял собой небольшой замок, поставленный вверх ногами [Орлов, с. 182].

Отторжение китайцами благ европейской цивилизации отражено на иллюстрации с двумя беседующими джентльменами западной наружности. Подпись: «— Как, и вы в Китае? — И я. — Зачем? — Китайцы, видите-ли, ужасно боятся велосипедистов, разбегаются в разные стороны... вот я и еду на велосипеде — пугать китайцев»³.

«Вывернутость» Китая, альтернативность китайской культуры проявляется и в представлениях России о китайских нравах и обычаях: на свадебных церемониях врут, что не любят друг друга, а присутствующие говорят: «какое несчастье, молодые глубоко ненавидят один другого!», — «этикет лживости соблюден»⁴. Другая сторона китайских нравов отразилась в репрезентациях китайской учтивости — лесть считается хорошим тоном даже в самых неподходящих для лести ситуациях: вежливые разговоры палача и мандарина, ожидающего экзекуции⁵, взаимные комплименты, из-за продолжительности высказываний которых сторел дом⁶. Еще один пример: сказка «Бакшиш»; в ней главный герой — повелитель Востока Бакшиш, — уезжает в Европу, потому что ему надоело «всеобщее поклонение». Однако в Германии, Франции и Италии Муза, Промесса и Благодарность были оскорблены словами Бакшиша о том, что он им родственник. Зато Взятка обрадовалась его приезду. Сказка заканчивается возвращением Бакшиша на родину, потому что Восток ему «нравится больше», а в Европе «ничего не поймешь. То, что на Востоке зовется пороками, на Западе называется добродетелью»⁷.

Китай как отсталое государство, остановившееся в развитии, необходимо перевоспитать, просветить, разбудить. Таков консенсус европейской (и нередко российской) мысли на предмет китайской косности.

С событий восстания ихэтуаней начинается процесс «пробуждения» застывшего дракона: «Как вся эта история [боксерское восстание] ни скверна, но она, несомненно, кладет начало новой истории Китая, который слишком долго живет по старинному...»⁸.

Представление о том, «Европейцы учили китайцев как-нибудь, но всему по немногу»⁹, нашло отражение и во время восстания ихэтуаней. Несмотря на преимущественно разделяемое порицание действий боксеров, Европа и здесь усмотрела собственные заслуги: европейское просвещение научило отсталый Китай строительству и военному делу, и по итогу была создана секта, члены которой знали, как пользоваться оружием и постройки разрушать¹⁰.

Идея об «окультуривании», научении «несведущего» Востока в общем и Китае в частности — один из объектов постколониальных исследований. Представления о превосходстве Запада, центральной ценностью которого является прогресс «цивилизации», над традициями и постоянством Востока выражаются, в данном случае, в имперском мышлении Европы, сфокусированном на Китае. Для Европы Китай существует исключительно как объект наблюдения, преобразования, его нет смысла рассматривать в отрыве от европейских мироощущений; когда Китай избавится от всех присущих ему черт, традиций, установок, тогда можно будет говорить о перевороте «с головы на ноги»

В российской мысли удивительным образом сосуществуют «мечтательный» и «кошмарный» Восток; представления о Китае как о «закостенелой мумии» сосуществуют с восхищением уникальным китайским миром красоты и изобилия. Восприятие Китая в России и репрезентации тех образов, которые прочно закрепились в мышлении российского общества и которым отведено особое место на ментальной карте, находят отражение не только в заметках путешественников, литературе и научных трудах, но и на страницах периодических изданий.

К XX веку в российской мысли закрепились несколько «основных» образов Китая, которые отражали отношение российского общества к Поднебесной: Китай как деспотическая, застывшая во времени империя; Китай как мистическая цивилизация с уникальной и своеобразной историей, культурой и философией; Китай как слабое, подвластное государство, готовое стерпеть проявления амбиций колонизаторов. В качестве элементов образа сформировались характеристики китайского народа: религиозность, приверженность традициям, соблюдение обычаев и церемоний, виртуозность в ремеслах. В том числе эти характеристики нашли отражение в конкретных проявлениях/ чертах: ухоженная коса как символ достоинства, маленькие стопы у женщин как эталон красоты, шарики на шапке, перья, длинные ногти как атрибуты статуса.

На рубеже веков «застойный» Китай приходит в движение. Контекст антииностранных восстаний ихэтуаней (1898–1901) придает сложившемуся образу новые черты. Выросшее из народного недовольства, движение ихэтуаней становится катализатором захватнических настроений Запада и приводит к войне Китая с иностранными державами. Кроважанные ихэтуаня бесстрашно расправляются с Другими. После — иностранцы беспощадно расправляются с собственными Другими — ихэтуанями, и всеми, кто стоит на пути раздела «мира изобилия».

«Таинственная легенда» об обществе ихэтуаней, в терминах А. В. Рудакова, способствует смене доминировавшего образа новым. Интерес к обновленному деятельному Китаю, вдохновленный яростным восстанием и кровопролитной войной, выливается на страницы сатирических изданий в виде текстов. Вербальные и образно-визуальные репрезентации событий закрепляют одни черты укрепившихся образов и трансформируют другие.

Посредством языка, «формул» и значений создаются репрезентации реальности, которые не просто отражают то, что в ней есть, но и конструируют ее. В этой реальности Китай существует в шести образах, каждый из которых, в свою очередь, взаимодействует с остальными.

1 Современный Китай // Будильник. 1900. 9 июля (№ 26). С. 1.

2 О том и о сем: «Дом вверх дном» // Будильник. 1900. 9 июля (№ 26). С. 3.

3 На Дальний Восток // Стрелока. 1900. 20 августа (№ 34). С. 2.

4 Лео [Медведев Л. М.] Из китайских нравов: I. Китайская лживость // Будильник. 1900. 23 июля (№ 28). С. 4.

5 Лео [Медведев Л. М.] Из китайских нравов: II. Китайская учтивость // Будильник. 1900. 23 июля (№ 28). С. 4.

6 Китайский Ювенал. Плоды китайских церемоний // Осколки. 1900. 12 августа (№ 33). С. 4.

7 Дорошевич В. Бакшиш: Восточно-Китайская сказка // Будильник. 1900. 3 сентября (№ 34). С. 3–4.

8 О том и о сем: Китайская история // Будильник. 1900. 25 июня (№ 24). С. 3.

9 «Всякие злые дивы» // Стрелока. 1900. 11 июня (№ 24). С. 2.

10 «Всякие злые дивы» // Стрелока. 1900. 11 июня (№ 24). С. 2.

- 1) Образ мандарина, оформленный с помощью характерных черт, становится репрезентацией как сановника, так и Поднебесной Империи в ее целостности. Черты, взаимодействуя, «пересобираясь» в необходимую для контекста сущность, передают зрителю-читателю заложенную в них информацию. Образ мандарина — основа множества репрезентаций Китая. На этом базисе строятся антропоморфное воплощение Небесной империи и репрезентации мятежников-боксеров.
- 2) Образ разделяемого Китая создается в рамках властного дискурса. Используя приемы объективации и персонификации цивилизованный Запад подчиняет «несуразный» обделенный Восток. Европейскому субъекту здесь отводится роль культурного и политического центра, в то время как Китай ассоциируется с периферией цивилизации.
- 3) Образ перевернутого Китая основан на положении о необходимости перевоспитать, просветить «несведущих». Китай здесь предстает исключительно объектом имперских амбиций Запада. Этот образ существует параллельно предыдущему: разница заключается в том, что «разделяемость» Китая материальна, «перевернутость» — воображаема.

Литература

- Бичурин — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)* Неизвестный Китай: записки первого русского китаевода. М.: Э, 2017. 349 с.
- Грабарь — *Грабарь И. Э.* Моя жизнь: Автобиография. М.: Наука, 1937. 376 с.
- Дацышен — *Дацышен В. Г.* Новая история Китая. Благовещенск: Издательство Благовещенского государственного педагогического университета, 2004. 346 с.
- Ермаченко — *Ермаченко И. С.* 2013. 03. 032. Ли Чжитин. Возвышение маньчжуров и изменения в китайском обществе [Ли Чжитин. Циндай Мань (Чжоу) цзу дэ цзюйцзи юй Чжунго шэхуй дэ бяньцзянь // Ляонин дасюэ сюэбао. Шэньян, 2012. № 5. С. 1–12. — кит. Яз.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2013-03-032-li-chzhitin-vozvysenie-manchzhurov-i-izmeneniya-v-kitayskom-obschestve-li-chzhitin-tsindai-man-chzhou-tszu-de-tszuytszi-yuy> (дата обращения: 12.04.2024).
- Зверева — *Зверева Г. И.* Чеченская война в дискурсах массовой культуры России: формы репрезентации врага // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. 334 с.
- Иванов — *Иванов А. В.* Без политики. Отношения России с Тайванем, Гонконгом и Макао // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М.: «Весь Мир», 2013. 704 с.
- Йоргенсен, Филип — *Йоргенсен М. В., Филип Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
- Коростовец — *Коростовец И. Я.* Китайцы и их цивилизация: Китай и Европа, государственное устройство Китая. М.: URSS, 2014. 273 с.
- Корсаков — *Корсаков В. В.* В старом Пекине: Очерки из жизни в Китае. СПб.: Типография Санкт-Петербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1904. 360 с.
- Лукоянов — *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 664 с.
- Мирзоев — *Мирзоев Н.* Как смотреть на мир. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 342 с.
- Мясников — *Мясников В. С.* Квадратура китайского круга. М.: Наука, 2006. Кн. 1. 547с.
- Орлов — *Орлов М. А.* Всемирная парижская выставка 1900 года в иллюстрациях и описаниях. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1900. 224 с.
- Попов — *Попов К. А.* О чае и его приготовлении русскими в Китае / Сост. К. А. Попов, коммерции советник. М.: Типография И. Н. Кушнерова, 1870. 36 с.
- Рудаков — *Рудаков А. В.* Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. По официальным китайским данным. Владивосток: Паровая типо-литография Товарищества Сушинский и Ко, 1901. 79 с.
- Савицкий — *Савицкий Е. Е.* Между «геноцидом», «оккупацией» и «братством народов»: языки описания имперского/ колониального прошлого в постсоветскую эпоху // Настройки языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве. М.: НЛО, 2016. 448 с.
- Самойлов — *Самойлов Н. А.* От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских. М.: Весь мир, 2013. 701 с.
- Спафарий-Милеску — *Спафарий-Милеску Н. Г.* Описание первая части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его городами и провинциями рукопись. — [Б.м.], последняя четверть XVII в. 214 л.
- Ухтомский — *Ухтомский Э. Э.* Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Лейпциг: Типография Ф. А. Брокгауза, 1895. Т. 2. Ч. IV. 247 с.
- Dyer Ball — *Dyer Ball J.* Things Chinese (or Notes Connected with China) 4th ed. Hongkong; Shanghai; Yokohama; Singapore: Kelly & Walsh, Ltd., 1903. 511 с.

References

- Bichurin, N. Ya. (Iakinof) *Neizvestnyj Kitaj: zapiski pervogo russkogo kitaaveda* [Unknown China: notes of the first Russian sinologist]. Moscow, E, 2017, 349 p. (in Russian)
- Grabar', I. E. *Moya zhizn': Avtomonografiya* [My life: An Automonography]. Moscow, Nauka, 1937, 376 p. (in Russian)
- Dacyshen, V. G. *Novaya istoriya Kitaya* [A new history of China]. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2004, 346 p. (in Russian)
- Ermachenko I. S. 2013. 03. 032. Li Chzhitin. *Vozvysenie man'chzhurov i izmeneniya v kitajskom obschestve* [Li Zhiting. The rise of the Manchus and changes in Chinese society] [Li Chzhitin. Cindaj Man' (Chzhou) czu de czyujczi yuj Chzhungo shekhuj de

- byan'czyan' // Lyaonin dasyue syuebao. Shen'yan, 2012. № 5. P. 1–12. — kitaiski yazyk]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature, Seria 9, Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyj zhurnal*, 2013, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2013-03-032-li-chzhitin-vozvyschenie-manchzhurov-i-izmeneniya-v-kitayskom-obschestve-li-chzhitin-tsinday-manchzhou-tszu-de-tszyuytszi-yuy> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
- Zvereva, G. I. Chechenskaya vojna v diskursah massovoj kul'tury Rossii: formy reprezentacii vruga [The Chechen War in the discourses of Russian mass culture: forms of representation of the enemy]. *Obraz vruga*. Moscow, OGI, 2005, 334 p. (in Russian)
- Ivanov, A. V. Bez politiki. Otnosheniya Rossii s Tajvanem, Gonkongom i Makao [Without politics. Russia's Relations with Taiwan, Hong Kong and Macau]. *Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya. Istorija, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij*. Moscow, Ves' Mir, 2013, 704 p. (in Russian)
- Jorgensen, M. V., Philips, L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Har'kov, Gumanitarnyj centr, 2008, 352 p. (in Russian)
- Korostovets, I. Ya. *Kitajcy i ih civilizaciya: Kitaj i Evropa, gosudarstvennoe ustrojstvo Kitaya* [The Chinese and their civilization: China and Europe, the state structure of China.]. Moscow, URSS, 2014, 273 p. (in Russian)
- Korsakov, V. V. *V starom Pekine: Oчерki iz zhizni v Kitae* [In Old Beijing: Essays from life in China]. Saint-Petersburg, Tipografiya Sankt-Peterburgskogo tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela "Trud", 1904, 360 p. (in Russian)
- Lukoyanov, I. V. "Ne otstat' ot derzhav..." *Rossiya na Dal'nem Vostoke v konce XIX — nachale XX vv* ["Not to lag behind the powers..." Russia in the Far East in the late XIX — early XX centuries]. Saint-Petersburg, Nestor-Istorija, 2008, 664 p. (in Russian)
- Mirzoev, N. *Kak smotret' na mir* [How to look at the world]. Moscow, Ad Marginem Press, 2019, 342 p. (in Russian)
- Myasnikov, V. S. *Kvadratura kitajskogo kruga*. Moscow, Nauka, 2006, vol. 1, 547 p. (in Russian)
- Orlov, M. A. *Vsemirnaya parizhskaya vystavka 1900 goda v illyustracijah i opisaniyah* [The Paris World Exhibition of 1900 in illustrations and descriptions]. Saint-Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1900, 224 p. (in Russian)
- Popov, K. A. *O chae i ego prigotovlenii russkimi v Kitae* / Sost. K. A. Popov, kommercii sovetnik [About tea and its preparation by Russians in China]. Moscow, Tipografiya I. N. Kushnereva, 1870, 36 p. (in Russian)
- Rudakov, A. V. *Obshchestvo I-he-tuan' i ego znachenie v poslednih sobytijah na Dal'nem Vostoke. Po oficial'nym kitajskim dannym* [The I-he-tuan society and its significance in recent events in the Far East. According to official Chinese data]. Vladivostok, Parovaya tipo-litografiya Tovarišchestva Sushchinskij i Ko, 1901, 79 p. (in Russian)
- Savitsky, E. E. Mezhdru "genocidom", "okkupaciej" i "bratstvom narodov": yazyki opisaniya imperskogo/ kolonial'nogo proshlogo v postsovetskuyu epohu [between "genocide", "occupation" and "brotherhood of peoples": languages of description of the imperial/ colonial past in the post-Soviet era]. *Nastrojki yazyka: upravlenie kommunikacijami na postsovetskom prostranstve*. Moscow, NLO, 2016, 448 p. (in Russian)
- Samojlov, N. A. Ot balansa k kolonializmu. Rossijsko-kitajskie otnosheniya ot ih zarozhdeniya do 1917 g. [From balance to colonialism. Russian-Chinese relations from their inception to 1917]. *Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih*. Moscow, Ves' mir, 2013, 701 p. (in Russian)
- Spafarij-Milesku, N. G. *Opisanie pervyya chasti vseennyja, imenuemoj Azii, v nej zhe sostoit Kitajskoe gosudarstvo, s prochimi ego gorody i provincii rukopis'* [Description of the first part of the universe, called Asia, in which the Chinese state consists, with its other cities and provinces, the manuscript.]. — [No publisher], poslednyaya chetvert' XVII v. 214 p. (in Russian)
- Uhtomskij, E. E. *Puteshestvie gosudarya imperatora Nikolaya II na Vostok (v 1890–1891)* [The journey of Emperor Nicholas II to the East (in 1890–1891)]. Leipzig, F. A. Brockhaus Printing House, 1895, vol. 2, part IV, 247 p. (in Russian)
- Dyer Ball, J. *Things Chinese (or Notes Connected with China)* 4th ed. Hongkong; Shanghai; Yokohama; Singapore, Kelly & Walsh, Ltd., 1903, 511 p.